

Чернышев Алексей Борисович

'АКТИВНОСТЬ' КАК МОТИВИРОВАННОЕ ПРОИЗВОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОГОВ ДВИЖЕНИЯ

В данной статье представлен анализ особенностей функционирования английского предлога "to", актуализирующего фрагмент 'активность'. В данном фрагменте выявляются такие признаковые компоненты, как дейксис, целенаправленность, неконтактность. Подчеркивается эволюционно-семантическая связь предлога "to" с категориями инфинитива и дательного падежа. Проводится сопоставительный анализ функционирования предлога "to" и производного предлога "unto", а также морфем других языков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/8-1/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(74): в 2-х ч. Ч. 1. С. 158-162. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE TYPIFIED DESCRIPTIVE TEXT AS A LANGUAGE MODEL

Khamaganova Valentina Mikhailovna, Doctor in Philology, Professor
East Siberia State University of Technology and Management, Ulan-Ude
vmh2003@inbox.ru

The stating text “description” has the properties of a structural-semantic language model. The use of the semiotic principle reveals the structural and semantic basis of this text in the form of an actantial core. The actantial core expresses extensional and intensional semantics and performs a text-formative function. Extension and intension of the semantics of the stating descriptive text are organized hierarchically. The semantic properties of the description, caused by the cognitive nature of the object, made it possible to formulate the standard meta-language taxonomy of the semantic properties of actants. It is the typified text of the description, which has the obligatory structural and semantic components, the repetition of the main features, that verbalizes the information associated with the emergence of the invariant value of synchronism, traces back to the standard logical and semantic structure. It emphasizes the regularity of the structure of the descriptive text and indicates the possibility of its modeling.

Key words and phrases: text of type “description”; actantial core; extension; intension; typified text.

УДК 81'367.633

В данной статье представлен анализ особенностей функционирования английского предлога «to», актуализирующего фрагмент ‘активность’. В данном фрагменте выявляются такие признаковые компоненты, как дейксис, целенаправленность, неконтактность. Подчеркивается эволюционно-семантическая связь предлога «to» с категориями инфинитива и дательного падежа. Проводится сопоставительный анализ функционирования предлога «to» и производного предлога «into», а также морфем других языков.

Ключевые слова и фразы: предлог; семантика; падеж; картина мира; векторное движение.

Чернышев Алексей Борисович, к. филол. н.

Закрытое акционерное общество «ВолгаЭро», г. Рыбинск

Городской общественной научно-экспериментальный фонд «Языковая среда», г. Рыбинск

alexeich_78@mail.ru

**‘АКТИВНОСТЬ’ КАК МОТИВИРОВАННОЕ ПРОИЗВОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ
СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОГОВ ДВИЖЕНИЯ**

Современные исследования семантики языковых единиц разных уровней предполагают комплексный подход с привлечением не только собственно языковых, но также философских, исторических, культурных данных. Особое место в этих исследованиях занимают предлоги, значения которых связаны с обозначением онтологически значимых категорий. Проблема семантики предлогов рассматривалась как на материале одного языка, так и в рамках сопоставительно-типологических исследований по целому ряду языков, выявлявших семантическую наполненность значимых фрагментов национальных языковых картин мира. К таким значимым фрагментам языковой картины мира относятся время, пространство и движение как их форма, становящиеся базисными, в большинстве случаев производными в семантической структуре предлогов, которая формируется под непосредственным восприятием пространственно-временных отношений человеком. Однако не в полной мере исследованными остаются более специфичные, но связанные с базисными отношениями фрагменты, к каковым могут быть отнесены активность и целенаправленность. Целью настоящей работы является анализ особенностей функционирования английского предлога *to* в сопоставлении с другими предлогами, в том числе с предлогами других языков, актуализирующими фрагмент ‘активность’.

Среди различных подходов к исследованию семантики предлогов отмечается то универсальное их свойство, которое заключается в так называемой двойственной их природе, интегрирующей в себе чисто грамматический и чисто лексический аспекты. Грамматический аспект связан с построением формальных семантических схем, выявлением типов реляционных конструкций, основанных на теории референции, согласно которой предлог рассматривается как релятор в рамках так называемого «сценария» в отношениях между участниками данного сценария – терминами X и Y [6, с. 105]. В лексическом же аспекте семантика предлога дает собственно репрезентацию отношений пространства и времени [9, с. 28]. Иными словами, каждый предлог со сложной сетью значений конструирует картину пространства и времени, а также смежных с ними основополагающих категорий особым образом.

Что же касается активности как значения, чаще производного, представленного в семантической сети предлогов, то в первую очередь отмечается безусловная связь активности с феноменом движения. Движение как совершаемое в динамике действие, отличаясь от пространства с его главным признаком статичности, предполагает наличие как минимум одного «активного» участника заданного сценария.

Частной разновидностью движения становится векторное движение, на фоне которого активный объект осмысливается как таковой в противопоставление другому объекту, то есть тому, который претерпевает воздействие. Понимаемое таким образом векторное движение не приравнивается к линейному. Оно также

не привязано ко времени, допуская не некий непрерывный процесс, а определенные интервалы и паузы при его совершении. Необходимым его условием становится лишь наличие второго, пассивного объекта как цели, достижение которой допускает неоднократные стадии при совершении движения. Сама же геометрия претерпевает всевозможные вариации: линейный, круговой, зигзагообразный варианты перемещения, а также различные способы передачи предмета или его изменения в условно заданных координатах в итоге имеют конечную объектно-пространственную цель. Таким образом, совершение акта движения, перемещения, передачи и т.п. определенно связано с приложением воли и усилия действующего агенса в отношении пассивного агенса как конечной цели этих усилий.

В лингвopsихологической интерпретации движения важнейшим моментом оказывается ракурс, или перспектива движения, обусловливаемый восприятием. При восприятии движения принимаются во внимание внешние признаки совмещаемых объектов. Несмотря на то, что объект является неподвижным, он, тем не менее, с точки зрения восприятия, вполне способен становиться точкой отсчета, например, в силу более значительных габаритов и т.д., и своего рода притягивающим к себе источником (ср.: [8, с. 229]). В таком понимании фактически недвижимый объект наделяется перцептивными характеристиками, связанными с его активностью в отношении того объекта, который в действительности совершает движение. Активный в восприятии объект есть действующий источник энергии, являющийся причиной и порождающий, вызывающий что-либо от исходной точки в пространстве и от первого момента, от первой стадии какого-либо действия во времени; деятельный, то есть не пассивный, развивающийся, то есть не статичный источник, являющийся основой, сущностью порождаемого, вызываемого события или ситуации [3, с. 81-82; 7, с. 255]. Важнейшими же признаками активности являются дейксис, целенаправленность, неконтактность. Все эти признаки оказываются вовлеченными в общий фрейм, репрезентирующий идею векторного движения к объекту.

Языковой единицей, в наибольшей степени способствующей отображению фрагмента активности со всеми ее признаками, в том числе и в связи с пространственно-временными отношениями, является предлог *to* английского языка. В одной из работ нами были продемонстрированы особенности пространственно-мотивного употребления предлога *to*, репрезентирующие сценарий движения к конечному объекту, который ассоциируется с местопребыванием другого – совмещаемого объекта [10]. Остановимся подробнее на других случаях употребления предлога *to*, в основе которых имеет место метафорический перенос непроизводного базисного пространственного значения при актуализации фрагмента ‘активность’.

Первый признаковый компонент, моделирующий фрагмент ‘активность’, может быть определен как указание, или дейксис. Идея дейксиса наводит на мысль о том, что этимологически значение предлога *to* восходит к некоему так называемому праслову, то есть показу с помощью вытянутой руки или указательного пальца либо с помощью каких-то соответствующих им движений головы или глаз. Ссылаясь на работы предшественников, К. Бюлер пишет, что при указании на какой-то видимый предмет и при параллельном произнесении некоторой звуковой последовательности осуществляется первый способ указания, для обозначения которого в индоевропейских языках используется комбинация *to* [1, с. 80-81].

Например:

(1) *His pointing to the truckle bed in the corner seemed gradually to bring that poor couch to Bradley's wandering remembrance* [12]. / *Проследив взглядом за его пальцем, показывающим на деревянную койку в углу, Брэдли с трудом собрал разбегающиеся мысли* (здесь и далее перевод автора статьи – А. Ч.).

Указание на койку в углу – сценарий, описываемый в примере (1), – ассоциируется с векторным движением, направлением воли и усилий к объекту-ориентире. Кровать, таким образом, предстает как место сосредоточения дальнейших событий.

Другой признаковый компонент – «целенаправленность» – предполагает некий Y, являющийся удаленным объектом и реализация которого требует физических, психологических или ментальных усилий со стороны X-а. Этот фрейм также связан с идеей перемещения, входящей в сеть семантических значений предлога *to*. Кроме того, идея целеполагания имплицитно присутствует и в грамматических категориях, а именно в употреблении так называемого застывшего датива имен действия в роли инфинитива. Данные из истории английского языка свидетельствуют о том, что на определенном этапе развития языка склоняемый инфинитив употреблялся для выражения направления или цели с предлогом *to*, превратившимся в так называемую частицу, например: *hīe cōton þæt land tō scēawienne*. Из данного примера следует, что морфема *tō* употреблялась в качестве контаминированной единицы вместе с флексией дательного падежа *-e*. Сам же дательный падеж в древнеанглийском языке вместе с инфинитивом выражал идею направления и цели [2, с. 149], и уже в среднеанглийский период с исчезновением флексий датив и инфинитив осмысляются в окончательном единстве в виде соответствующего функционирования общей для данных категорий морфемы *tō*. Исторически именно этим значением обусловлено современное употребление *to* в качестве частицы при инфинитиве. Ср.:

(2) *If some seemingly vulnerable object appeared he was all attention – to pass the compliments of the day, to lead the way to the parlor car, carrying her grip, or, failing that, to take a seat next her with the hope of being able to court her to her destination* [13, p. 23]. / *Но как только на его горизонте появлялся подходящий объект, он становился воплощением внимания и любезности, заводил речь о погоде, галантно открывал дверь вагона, помогал нести чемодан; если же это не удавалось, старался сесть рядом, надеясь до прибытия поезда к месту назначения найти возможность поухаживать*.

Целенаправленное действие воспринимается как активное не с позиции фактически совершающего действие предмета, а в плане того, что оно координируется со стороны релятума.

Преимущественная актуализация параметров целенаправленности, активности прослеживается в современном английском языке и при употреблении инфинитивных оборотов. Например:

(3) *I want them to have something handsome to bring them up in the world again* [12]. / 'Я хочу, чтобы у них было что-то красивое, чтобы они снова принадлежали нашему кругу'.

Буквальный перевод грамматического объектного инфинитивного оборота дает следующий вариант: 'Я хочу их к имению чего-то красивого... (к обладанию чем-то красивым)'. Такая интерпретация позволяет отметить наличие всех признаков и инфинитива, и датива как актантного падежа, с точки зрения формально-синтаксической структуры. Формально-синтаксический признак проявляется в традиционном расположении косвенного дополнения после прямого дополнения, только при наличии морфемы *to*. Признак падежа, актуализируемого морфемой, усматривается в функциональном единстве людей, указание на которых осуществляется через местоимение в грамматическом объектном падеже, и обладании чем-то красивым. Глагольная основа *have* вполне может быть соотносена с отглагольным существительным, управляемым морфемой *to*, принимая на себя актантную роль адресата.

(4) *But, doll, we're supposed to be there at four* [14, p. 147]. / 'Но, куколка, мы должны быть там в четыре часа'.

В субъектном инфинитивном обороте также прослеживается связь инфинитива и датива. Буквальный перевод представленного выше примера (4): 'Мы предполагаемся к бытию там в четыре'* (т.е. 'Предполагается, что мы там будем в четыре часа').

Признак «активности» морфемы *to* как инфинитивной частицы проявляется и в возможности ее самостоятельного употребления в грамматическом значении неопределенной формы глагола без самой основы, например:

(5) *Not that Harry was asking me to* [Ibidem, p. 233]. / 'Не то, чтобы Гарри просил меня (это сделать)'.

В следующем предложении, в частности, также имплицитруется идея целенаправленности вне функции инфинитива и с точки зрения не физического, а психологического перемещения, движения чувств, мыслей, желаний.

(6) *<...> and what I wish to do is to make some of it over somehow to Sophronia and Alfred <...>* [12]. / '<...> и мне хочется сделать как-нибудь так, чтобы часть его досталась Софронии и Альфреду <...>'.

Данный сценарий представляется возможным интерпретировать таким образом, что Софрония и Альфред извлекают нечто из того, что сделает для них автор высказывания. Это нечто становится единым с Софронией и Альфредом, нечто переходит в принадлежность этим людям, являющимся конечной целью действий.

(7) *«I imparted to you a certain piece of knowledge, to be imparted again, as you thought best, to a certain person»* [Ibidem]. / 'Я сообщила вам нечто для дальнейшего сообщения известной особе, если вы сочтете это нужным'.

Глагол *to impart* 'давать, придавать' является синонимом модельного для данного типа отношений глагола *to give*. В результате передачи знаний возникает функциональное единство предметов – самих знаний и человека как конечного объекта передачи.

Как представляется, целенаправленные действия акцентируют внимание на событийной стороне создаваемого в результате совмещения единства. Данное предположение не противоречит и мнению Б. А. Ильиша о том, что первоначально понятие пребывания в каком-либо месте выражалось самим дательным падежом, а предлоги местопребывания только уточняли это понятие [2, с. 153].

Очевидно, что данный языковой факт находит свое отражение в мировосприятии древнего человека, когда мир и все предметы в нем казались едиными. Впоследствии, когда предметы приобрели функциональную самостоятельность в сознании носителей языка, место единства, место совмещения предметов, вероятно, стало ассоциироваться с целью, а само совмещение – с движением, перемещением с определенной целью. В связи с этим дательный падеж приобретает дополнительный оттенок движения к определенной цели, а падежом конкретного местопребывания становится предложный. Этот факт может быть подтвержден материалом других языков, который фиксирует конкретные случаи употребления одного и того же предлога для обозначения сценариев как динамических, так и статических действий. Примеры:

(8) *Il est allé à l'aéroport.* / 'Он поехал в аэропорт'.

(9) *Il est à l'aéroport.* / 'Он в аэропорту'.

(10) *Он приехал в аэропорт.*

(11) *ово паде при пѣти, и попрано вьсть, и птици небесныя позобаша є* [5, с. 295].

Во французском языке движение к какому-либо месту (8) и пребывание в каком-либо месте (9) выражается при помощи предлога *a*, имплицитующего дательный падеж. В русском языке, как видно из примеров (10-11), аналогичное значение выражается морфемой *при*, функционирующей как префикс и как предлог, управляющий предложным падежом существительного, определяемым в концепции Р. Якобсона как «беспризнаковый» падеж, или «местный падеж первого типа» [11, с. 163]. Местный падеж первого типа следует отличать от второго местного падежа с «собственно локативной функцией». Собственно косвенная же функция входит в обобщающую категорию «общекоосвенно-объектной функции», содержащую и адресатную функцию датива [4, с. 44].

Очевидно, что именно с идеей реализации события в связи с конкретным местопребыванием предмета связывается и употребление английского предлога *unto*, являющегося историческим аналогом предлога *to*. Например:

(12) *Then when he was come into Galilee, the Galilaeans received him, having seen all the things that he did at Jerusalem at the feast: for they also went unto the feast* [15, p. 152]. / 'Когда пришел Он в Галилею, то Галилеяне приняли Его, видев все, что Он сделал в Иерусалиме праздник, – ибо и они ходили на праздник'.

Очевидно, что преимущественное употребление с глаголами движения предлога *unto* связано с акцентуацией признака неконтактности, возникающей в результате движения или совмещения одного объекта

с другим. Неконтактность предполагает ту физическую и психологическую идентичность предметов, при которой невозможно представить нахождение одного предмета внутри другого в результате совмещения. В этом случае речь, скорее, идет о сфере распространения территориального и психологического влияния активного источника, то есть того источника, в отношении которого данное совмещение происходит. Например:

(13) *And seeing the multitudes, he went up into a mountain: and when he was set, his disciples came unto him* [Ibidem, p. 5]. / 'Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его'.

(14) *And they brought unto him all sick people that were taken with divers diseases and torments* [Ibidem]... / 'И приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками...'.

В результате действий, выраженных глаголами *to bring (brought)* 'приводить' и *to come (came)* 'приходить', произошло единение людей в месте нахождения человека, являющегося ориентиром. Это место, однако, не предполагает конкретных размеров. Оно связано лишь с доступным радиусом действия всех его участников, что подчеркивает идею неконтактности.

Неконтактность проявляет эволюционно-семантическую закономерность в употреблении производного предлога *unto* в классической для датива модели с глаголом *to give*. Например:

(15) <...> *and it giveth light unto all that are in the house* [Ibidem, p. 6]. / '<...> и дает свет всем в доме'.

Совмещение света с людьми, то есть просвещение, означает нахождение света не внутри человека, а в сфере его жизнедеятельности. Свет повсюду там, где находится человек.

На стыке образных признаков целенаправленности и неконтактности возникает идея коммуникативной направленности, основанной на понимании «перемещения» информации. Для актуализации коммуникативной направленности характерно использование глаголов типа *to speak, to say, to tell* и т.п. с последующим предлогом *to* или его исторической производной формой *unto*. Ср.:

(16) <...> *and she had tripped down softly, brush in hand, and barefoot, to say good-night to him* [12]. / 'Вся окутанная распущенными волосами, с головной щеткой в руках, босиком, она тихонько сошла вниз, чтобы проститься на ночь с ним'.

(17) *But I say unto your, Love your enemies, bless them that curse you <...>* [15, p. 7]. / 'А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас'.

Участники сценариев (16-17) становятся получателями информации, переданной для них адресантом с определенной целью. Смысловой ракурс данных примеров свидетельствует об активной роли лиц, ставших обладателями новых знаний.

Итак, как показывает анализ языкового материала, предлоги движения актуализируют фрагмент 'активность' с позиции конечного объекта как активного источника совмещения. Такое представление соотносится с общей моделью движения как частного его случая. Английский предлог *to*, передающий идею векторного движения к объекту, выступает и наиболее продуктивным средством репрезентации активности, относящейся к условно производным значениям данной языковой единицы. Дейксис, целенаправленность, неконтакт оказываются основными признаками исследуемого фрагмента, представленного в семантической структуре предлога, при этом целенаправленность позволяет объяснить и традиционно грамматические случаи употребления предлога при актуализации «застывшего датива» при инфинитиве и исторического «локативного датива». В подобной интерпретации предлог *to* имеет определенное смысловое соответствие с его историческим производным вариантом *unto*, употреблявшимся в пространственных значениях, а также французским предлогом *à* и русским предлогом *при*. Особенности функционирования данных предлогов вполне сопоставимы с общим, неизменным значением, в основе которого лежит уподобление векторному движению из исходного пункта в конечный пункт при полном совмещении (единстве) предметов в этом конечном пункте.

Список источников

1. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. 528 с.
2. Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Высшая школа, 1968. 419 с.
3. Маньков А. Е. Происхождение категории рода в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. 2004. № 5. М.: Наука. С. 79-89.
4. Мельников Г. П. Природа падежных значений и классификация падежей // Исследования в области грамматики и типологии языков: сб. ст. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 39-64.
5. Новый Завет на славянском и русском языках. М.: Лепта-Пресс; Лагуна, 2003. 1172 с.
6. Пайар Д., Плуныян В. А. Предлог над: факты и интерпретации // Исследования по семантике предлогов: сб. статей. М.: Русские словари, 2000. С. 83-114.
7. Позднякова Е. М. Таксономическая категоризация глагола и концепт «активное начало» в категории имени деятеля // Концептуальное пространство языка. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 239-257.
8. Рок И. Введение в зрительное восприятие: в 2-х кн. М.: Педагогика, 1980. Кн. 1. 312 с.
9. Селиверстова О. Н. Имеет ли предлог только грамматическое значение? // Вопросы филологии. 1999. № 3. С. 26-33.
10. Чернышев А. Б. Когнитивная модель английского предлога *to* // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». 2007. № 8 (86). С. 123-131.
11. Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 455 с.
12. Dickens Ch. Our Mutual Friend [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/files/883/883-h/883-h.htm> (дата обращения: 26.08.2016).
13. Dreiser Th. Sister Carrie. Moscow: Foreign languages publishing house, 1958. 510 p.
14. Susann J. The Love Machine. London: A Corgi book, 1980. 511 p.
15. The New Testament. National Publishing Company, 1961. 408 p.

**“ACTIVITY” AS A MOTIVATED DERIVATIVE MEANING
OF SEMANTIC STRUCTURE OF PREPOSITIONS OF MOTION**

Chernyshev Aleksei Borisovich, Ph. D. in Philology

CJSC “VolgAero”, Rybinsk

Municipal Public Scientific Experimental Fund “Linguistic Environment”, Rybinsk

alexreich_78@mail.ru

The article analyzes the peculiarities of functioning of the English preposition “to” actualizing the fragment “activity”. In this fragment the author identifies such characteristic components as deixis, purposiveness, and non-contact nature. The paper emphasizes evolutionary and semantic relation of the preposition “to” with the categories of Infinitive and Dative case. The researcher provides comparative analysis of functioning of preposition “to”, derivative preposition “unto” and morphemes from other languages.

Key words and phrases: preposition; semantics; case; worldview; vectorial movement.

УДК 81

Настоящая статья посвящена уточнению термина «слово-реалия» в русском языке и 文化词语 [Вэньхуа Цьюй] 'культурные слова', 国俗词语 [Госу Цьюй] 'слова национальной традиции' в китайском языке в лингвокультурологическом аспекте, выявлению и описанию происхождения термина «слово-реалия» в русском языке и 文化词语 [Вэньхуа Цьюй] 'культурные слова', 国俗词语 'слова национальной традиции' в китайском языке, а также рассмотрению и сравнению особенностей данных терминов. В работе впервые делается попытка проанализировать, систематизировать взгляды китайских лингвистов на определения 文化词语 [Вэньхуа Цьюй] 'культурные слова', 国俗词语 [Госу Цьюй] 'слова национальной традиции'. Проанализировав определения данных терминов в работах русских и китайских лингвистов, авторы представили свою точку зрения на этот термин, выявили общие черты рассматриваемого термина, такие как системность, индивидуальность, динамичность.

Ключевые слова и фразы: язык; культура; безэквивалентная лексика; слово-реалия; 文化词语 [Вэньхуа Цьюй] 'культурные слова'; 国俗词语 [Госу Цьюй] 'слова национальной традиции'; перевод; лингвострановедение.

Шаклеин Виктор Михайлович, д. филол. н., профессор

Суй Ин

Российский университет дружбы народов, г. Москва

vmshaklein@bk.ru; suy1989@mail.ru

**«СЛОВО-РЕАЛИЯ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И 文化词语 [ВЭНЬХУА ЦЬЮЙ],
国俗词语 [ГОСУ ЦЬЮЙ] С ПОЗИЦИИ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ**

Введение

Как отмечает В. Ф. Гумбольдт, всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира. Это означает, что язык и культура хотя и являются самостоятельными явлениями, но они одновременно тесно соотносятся и взаимодействуют друг с другом в своем развитии и синхронном сосуществовании. «С одной стороны, язык является одной из основных форм реализации национальной культуры и важнейшим компонентом национальной культуры; с другой стороны, культура является коннотацией языка, и во всем мире многовековая и крепкая национально-культурная коннотация любого народа отражается в данном языке» [4, с. 273]. Особое место здесь принадлежит лексике с ярко выделенной, национально окрашенной семантикой.

«При сопоставлении языков и культур в языке выделяются элементы совпадающие (эквивалентная лексика) и несовпадающие (безэквивалентная лексика)» [10, с. 5]. Приведем примеры эквивалентной лексики в формате таблицы:

Таблица 1.

Эквивалентная лексика в китайском и русском языках

Эквивалентная лексика в китайском и русском языках			
Китайский язык	狐狸	左边/右边	花
Русский язык	лиса	левый/правый	цветы

Иероглифы 狐狸 'лиса' в китайском языке и слово лиса в русском языке символизируют не только лицемерие, коварство, вероломство, хитрость, но и ум. Иероглифы 左边/右边 'левый/правый' в китайском языке